

10.8.94.

Луис ПАСКУАЛЬ:

**“Если ты можешь
покончить с собой,
значит, ты
пока еще жив”**

Луис Паскуаль родился в 1951 году в каталонском городе Реус (Испания). Там же в 17 лет дебютировал как режиссер. В 1990-м сменил Стрелера на посту художественного руководителя “Одеона” – Театра Европы, который возглавляет по сей день. Весной 1994-го стал также директором Венецианского театрального фестиваля.

Его постановкой “Дачников” Горького, сыгранных французскими актерами в “Одеоне”, открылся “Русский сезон”. Вскоре после этого режиссер отправился в Петербург, приступил к репетициям пьесы “Роберто Зукко” Бернара-Мари Кольтеса. Репетиции длились полтора месяца. В конце марта премьера “Роберто Зукко” – совместная продукция “Одеона” и МДТ – состоялась в Париже.

Собеседник режиссера Маша Зонина – автор перевода “Роберто Зукко” на русский язык, а также – вместе с Жан-Пьером Тибодой – нового перевода “Дачников” на французский.

Луис Паскуаль. И у Горького, и у Кольтеса...

Маша Зонина. Неужели тут возможно хоть какое-нибудь “и”?

Л.П. Только в том смысле, что и у того, и у другого в самой пьесе заложен способ игры. В остальном никакого “и” быть, конечно, не может. Школа, традиция, манера игры русских и французских актеров настолько различны, что мне прежде всего было безумно интересно, как французы приносятся к тому особому существованию, которого требуют “Дачники”, а русские примут – или не примут – текст такого сверхсовременного, чисто французского, но и для Запада далеко не простого драматурга, как Кольтес. Если к игре французов в “Дачниках” мне все время хотелось что-то добавить, то здесь, напротив, приходится все время отсекавать. Русские актеры щедры, неистощимы; каждая проба, каждый вариант, сыгранный ими, – праздник. Но я вынужден беспощадно требовать от них: меньше переживаний, меньше психологических оправданий, меньше вопросов, на которые нет ответа, потому что ответа нет; нет – и все.

М.З. “Зукко” действительно текст не только непривычный, но и во многом чуждый русскому театру, и некоторое недоверие актеров к пьесе, мне кажется, можно понять. Это во Франции Кольтес возник не на пустом месте; до него был Жене, абсурдисты, в начале века – Жарри... А в России только теперь, столько лет спустя, начинают пробиваться к этим авторам.

Л.П. Сначала у меня была мысль поставить Гольдони, и здесь это всем понравилось. Но, мне кажется, мы должны открывать и обогащать друг друга. Я окончательно решил, что буду ставить “Зукко” здесь, когда услышал, как в буфете Малого драматического кто-то из актеров сказал: “Сегодня у нас человеческая жизнь ничего не стоит”. Это справедливо для всех нас.

М.З. Поговорим немного о “Дачниках”. В России эту пьесу давно не ставили. Многие считают ее скучной, во всяком случае, неактуальной.

Л.П. Не могу согласиться. Эта пьеса представляется мне метафорой нашей реальности, нашей Европы. “Дачники” для меня комедия, полная иронии, где все постоянно мечутся и не могут себя найти. Я постарался избавиться ее от сентиментальности, тяжеловесности и длиннот, подчеркнув основное у Горького: найдите свой выход; жизнь стоит того, чтобы ее прожить. Так он обращается к интеллигенции. “Интеллигенция”, как известно, русское слово.

М.З. Вот именно. Во время репетиций “Дачников” даже обсуждали, как нужно его произносить...

Л.П. Более того, дискутировали о том, что оно означает. Известно ведь, что западный интеллигент – это не совсем то, что российский интеллигент.

М.З. Иногда и совсем не то...

Л.П. Однако мне кажется (хотя всякий волен понимать это по-своему), что моральные принципы, которые подразумевал Горький, говоря об интеллигенции в “Дачниках”, очень близки той социальной морали, которая возникла в Европе после второй мировой войны. Европа становилась все более богатой и мещанской, а комплекс вины, так отягощающий жизнь, мы быстро научились компенсировать эгоизмом, полным отсутствием солидарности и бесконечной болтовней, изобретением маскирующих формулировок. Короче, много говорим, ничего не делаем. Мы увязли в поверхностной культурности. И все бы еще ничего, если бы это замыкание на себе привело нас к созданию общества пусть несолидарного, но счастливого. Так ведь и этого нет, мы все несчастливы и больны.

М.З. Вернемся в Петербург. Как ты себя здесь чувствуешь? Ты здесь тоже несчастлив и болен? (Шутка.)

Л.П. В России я очень много смеюсь. И еще... вообще-то я нелюбимый человек, но Россия – единственная страна в мире, где я не могу отказаться от выпивки. Впрочем, ты не думай, что я с Луны свалился; я ведь и в Польше работал, и в России уже бывал... Не знаю, боюсь сформулировать, почему мне тут хорошо. Мне хорошо с этими людьми, в них много того, что я ценю больше всего и чего всегда так не хватает, – щедрости, гостеприимства. У них много общего с испанцами. Образно говоря, те тоже топают ногами, когда танцуют или выражают протест. Когда не знаешь языка, приходится добавлять больше чувства.

М.З. Смешивая русскую и французскую культуру, ты остаешься все-таки каталонцем, или просто европейцем, или... Что такое, кстати, Театр Европы?

Л.П. Ой-ой-ой!

М.З. И тем не менее. Мы же в России. А тут знаешь, как эти слова звучат... Театр! Европы! С заглавных букв...

Л.П. Ваша страна – пусть прыжками, зигзагами – движется вперед. А Европа, в которой я работаю, – усталая Европа. Мы цепляемся за тех, у кого еще осталась энергия.

М.З. Энергия есть, но в каком-то смысле самоубийственная.

Л.П. Неважно. Энергия. Я предпочитаю самоубийственную энергию мещанской самоуспокоенности. Если ты можешь покончить с собой, значит, ты пока еще жив.